

Баликоева Лариса Мурадиновна

к.ю.н., доцент кафедры теоретико-правовых дисциплин юридического факультета
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
Россия, г. Владикавказ

Мсоев Самсон Альбертович

магистрант юридического факультета по направлению «Уголовное право и процесс»
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
Россия, г. Владикавказ

Актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией)

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией), с учетом положений ст. 210 УК РФ и современных научных подходов. Особое внимание уделяется разграничению преступного сообщества и организованной группы, установлению признаков структурированности, распределению ролей между участниками, доказыванию устойчивых связей и осознания лицом своей принадлежности к преступной организации. Анализируются вопросы квалификации обеспечивающих, управленческих и информационно-аналитических функций, а также риски необоснованного расширения уголовной ответственности. Обосновывается необходимость индивидуальной оценки вклада каждого участника в деятельность преступного сообщества с соблюдением принципов законности, вины и справедливости. Делается вывод о значении четких критериев структуры, цели и функциональной связи при применении уголовно-правовой нормы в судебной практике.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, квалификация преступлений, организованная группа, структурированность, участие в преступном сообществе, ст. 210 УК РФ.

Balikoeva Larisa Muradinovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theoretical Legal
Disciplines at the Faculty of Law
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
Russia, Vladikavkaz

Msoev Samson Albertovich

Master's Student at the Faculty of Law in the field of Criminal Law and Procedure
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
Russia, Vladikavkaz

**Current problems of qualifying crimes committed by a criminal community
(criminal organization)**

Abstract: The article examines current problems of qualifying crimes committed by a criminal community (criminal organization), taking into account the provisions of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and modern scholarly approaches. Particular attention is paid to distinguishing a criminal community from an organized group, identifying the features of structured organization, distributing roles among participants, proving stable connections, and establishing a person's awareness of belonging to a criminal organization. The issues of qualifying auxiliary, managerial, and information-analytical functions are analyzed, as well as the risks of unjustified expansion of criminal liability. The need for an individual assessment of each participant's contribution to the activities of a criminal community is substantiated, with due regard to the principles of legality, guilt, and justice. The conclusion is made about the importance

of clear criteria of structure, purpose, and functional connection in the application of the criminal law provision in judicial practice.

Keywords: criminal community, criminal organization, qualification of crimes, organized group, structured organization, participation in a criminal community, Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией), обусловлены тем, что ст. 210 УК РФ соединяет в себе признаки самостоятельного преступления против общественной безопасности и признаки особой формы соучастия. В результате правоприменителю необходимо не только установить факт совершения конкретных преступлений, но и доказать существование самостоятельной преступной организации, ее внутреннее устройство, распределение ролей, общую цель, устойчивые связи между участниками и осознание каждым лицом своей принадлежности к соответствующей структуре. Именно поэтому квалификация по ст. 210 УК РФ не может строиться на простом выводе о групповом характере содеянного [1].

Сложность рассматриваемой темы начинается уже с разграничения организованной группы и преступного сообщества. Часть 4 ст. 35 УК РФ связывает преступное сообщество со структурированной организованной группой либо объединением организованных групп, созданных для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Однако само понятие структурированности остается оценочным. Д. А. Ильичев, М. С. Кармановский и Е. В. Косьяненко справедливо обращают внимание на дефекты юридической техники при построении данной формы соучастия [3, с. 70]. Т. В. Прокофьева также указывала, что чрезмерная неопределенность признака структурного подразделения затрудняет квалификацию, поскольку правоприменитель вынужден доказывать не только устойчивость группы, но и качественно иной организационный уровень [6, с. 100].

Наиболее убедительной представляется позиция, согласно которой структурное подразделение нельзя механически отождествлять с обычной организованной группой. П. С. Солоницын отмечает, что: «Структурное подразделение ПО - это вовсе не ОГ сама по себе, без привязки к целому преступному сообществу, а именно территориально или функционально обособленная группа, состоящая из двух или более человек, которая реализует общие цели всей ПО через особый функционал или на определенной территории» [7, с. 40]. Данный подход ближе нам, поскольку он позволяет отличать преступную организацию от простой совокупности исполнителей, связанных одним эпизодом.

Иной подход, при котором всякая устойчивая организованная группа с распределением ролей фактически приравнивается к преступному сообществу, создает риск необоснованного расширения уголовной ответственности. Для квалификации по ст. 210 УК РФ необходимо выявить не только устойчивость и предварительную согласованность действий, но и наличие управленческого центра, внутренней специализации, общей преступной цели, а также подчиненности отдельных участников логике функционирования всей организации. Если эти признаки отсутствуют, содеянное должно квалифицироваться по статьям Особой части УК РФ с учетом признака организованной группы, но без дополнительного вменения ст. 210 УК РФ [1].

Особое значение имеет проблема соотношения участия в преступном сообществе и совершения конкретных преступлений его участниками. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 исходит из необходимости квалификации по совокупности, когда лицо одновременно участвует в преступном сообществе и совершает конкретное тяжкое или особо тяжкое преступление [2]. Но на практике возникает вопрос: всякое ли преступление, совершенное лицом, связанным с такой организацией, подтверждает участие в ней? Ответ должен быть отрицательным. Нужна связь между деянием, функциональной ролью лица и общими целями сообщества.

В судебной практике эта связь раскрывается через функциональную специализацию подразделений. Д. А. Ильичев, М. С. Кармановский и Е. В. Косьяненко пишут: «Итак, по мнению законодателя, структурированная организованная группа как форма преступного сообщества отличается от организованной группы наличием не менее двух структурных подразделений в своем составе, которые имеют разную специализацию: одни совершают преступления, их деятельность направлена на прямое получение финансовой и иной материальной выгоды, другие выполняют обеспечивающие функции» [3, с. 72]. Такая трактовка важна тем, что участие может выражаться не только в непосредственном исполнении преступлений.

Отсюда возникает следующая квалификационная проблема: как оценивать действия лиц, которые не совершают базовые преступления, но обеспечивают деятельность сообщества. Это могут быть лица, отвечающие за связь, транспорт, хранение имущества, учет доходов, подбор участников, конспирацию, легализацию денежных средств, техническую поддержку либо передачу информации. Формально они могут не выполнять объективную сторону конкретного тяжкого преступления, однако их деятельность может обеспечивать функционирование всего преступного механизма. Поэтому наша позиция состоит в том, что квалификация по ст. 210 УК РФ допустима при доказанности устойчивого функционального вклада лица в общую деятельность преступной организации.

Вместе с тем нельзя признать правильной практику, при которой случайное содействие или разовое выполнение поручения автоматически признается участием в преступном сообществе. П. С. Солоницын приводит примеры, когда лица, привлеченные через объявления в сети Интернет для единичных действий, фактически не осознавали существование преступной организации и не понимали своего места в ней [7, с. 42]. В таких ситуациях вменение ст. 210 УК РФ противоречит принципу вины, поскольку участие в преступном сообществе предполагает не только объективную связь с организацией, но и субъективное осознание этой связи.

Субъективная сторона поэтому является одним из наиболее уязвимых элементов квалификации. П. С. Солоницын справедливо указывает: «Главную сложность представляет квалификация действий участника ПС с точки зрения осознания им общих целей преступного сообщества (организации) и принадлежности к нему (к ней) (п. 6 ППВС РФ). Правоприменители могут встретить затруднения в доказывании субъективной стороны преступлений» [7, с. 42]. Нам ближе именно этот подход, поскольку он исключает подмену виновного участия формальной причастностью к отдельному эпизоду.

Доказательственное значение имеют не декларации о принадлежности к преступной среде, а фактическое поведение лица. О принадлежности к преступному сообществу могут свидетельствовать регулярное выполнение определенных обязанностей, получение вознаграждения из общего преступного дохода, подчинение внутренним правилам, участие в распределении ролей, знание руководителей и связей между подразделениями, меры конспирации, выполнение поручений в интересах не одного соучастника, а всей организации. При этом ритуальное вступление, криминальный статус или общение с участниками не должны подменять доказывание конкретных действий, образующих объективную сторону участия.

Отдельную проблему образует объективная сторона ст. 210 УК РФ. А. В. Котяжов и Е. В. Кочеткова полагают, что перечень организационно-управленческих функций, учитываемых при квалификации, нуждается в расширении [5, с. 165]. Их позиция заслуживает поддержки, поскольку современные преступные организации действуют не только через непосредственное планирование и материальное обеспечение. В условиях цифровой коммуникации, банковских переводов, сетевой координации и дистанционного распределения ролей существенное значение приобретают аналитика, учет, контроль и прогнозирование, без которых невозможно поддерживать устойчивость крупного преступного объединения.

А. В. Котязов и Е. В. Кочеткова отмечают, что: «Деятельность управленческого звена ПС (ПО) по реализации информационно-аналитической функции — это система процедур, осуществляемых субъектом (субъектами) рассматриваемого преступления и специально созданным в этих целях аппаратом управления преступной организации, представленного лицами из числа ближайшего окружения организатора (организаторов) ПС (ПО)» [5, с. 166]. Данное положение позволяет точнее квалифицировать действия лиц, обеспечивающих не физическое совершение преступлений, а управление преступной системой.

При этом расширение признаков объективной стороны не должно вести к неопределенности состава. Если информационно-аналитическая или учетная функция признается значимой для квалификации, необходимо доказать ее преступное назначение, связь с общей целью сообщества и осведомленность лица о характере выполняемых действий. Иначе существует опасность привлечения к ответственности лиц, которые выполняли внешне нейтральные операции, не понимая их связи с преступной организацией. Поэтому критерием должен быть не сам факт информационной, финансовой или технической работы, а ее включенность в единый преступный механизм.

Заметное место в научной дискуссии занимает вопрос о цели преступного сообщества. Закон связывает его создание с совершением тяжких или особо тяжких преступлений, а также с получением прямо или косвенно финансовой либо иной материальной выгоды. Д. А. Ильичев, М. С. Кармановский и Е. В. Косьяненко критикуют такую конструкцию, поскольку она сужает сферу применения ст. 210 УК РФ и затрудняет оценку устойчивых объединений, создаваемых для систематического совершения преступлений иной категории [4, с. 76]. С этой критикой можно согласиться частично: цель действительно нуждается в более ясном описании, но полное исключение критерия тяжести может чрезмерно расширить состав.

В связи с этим Д. А. Ильичев, М. С. Кармановский и Е. В. Косьяненко формулируют радикальное предложение: «Резюмируя, можно сделать вывод о том, что понятие преступного сообщества требует корректировки ввиду законодательного дефекта, допущенного при формулировании нормы, в частности путем исключения признаков структурированности организованной группы и цели совершения тяжкого и особо тяжкого преступления для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» [3, с. 76]. Нам ближе более умеренная позиция: корректировка необходима, но структурированность следует не исключать, а конкретизировать.

Проблема проявляется и при оценке преступлений экономической направленности. После введения примечания к ст. 210 УК РФ законодатель попытался ограничить случаи, когда руководители, участники и работники юридического лица привлекаются по ст. 210 УК РФ только в силу организационно-штатной структуры и связи деяния с предпринимательской или иной экономической деятельностью [1]. Однако сама по себе эта оговорка не устраняет риск смешения незаконной предпринимательской схемы, коррупционной модели управления и преступного сообщества. Для квалификации требуется доказать, что юридическое лицо либо его структурное подразделение заведомо создано или фактически используется как оболочка преступной организации.

Нельзя игнорировать и криминологическую сторону вопроса, поскольку высокая латентность непосредственно влияет на квалификацию. Чем более закрытым является преступное сообщество, тем чаще следствие вынуждено восстанавливать его структуру по косвенным признакам: телефонным соединениям, финансовым потокам, распределению доходов, повторяемости поручений, перемещению предметов преступления и совпадению способов конспирации. Такие доказательства могут быть достаточными только в совокупности. Изолированно они нередко подтверждают лишь связь между лицами, но не существование преступной организации в уголовно-правовом смысле. Поэтому судебное решение должно показывать, каким образом отдельные эпизоды складываются в

устойчивую систему, а не подменять анализ структуры общим указанием на организованность.

Показательным является пример, рассмотренный П. С. Солоницыным, где в преступной схеме телефонного мошенничества выделялись подразделения «звонарей», «обеспечивающих» и «обнальщиков» [7, с. 41]. Данный пример демонстрирует, что квалификация по ст. 210 УК РФ может быть обоснованной даже тогда, когда отдельные эпизоды по размеру причиненного ущерба не всегда относятся к тяжким преступлениям. Решающее значение приобретает не механическое суммирование эпизодов, а наличие единого преступного механизма, в котором каждое подразделение выполняет устойчивую функцию, а конечный результат обеспечивается согласованным взаимодействием всех звеньев. При отсутствии такой взаимной обусловленности речь должна идти о группе лиц либо организованной группе, но не о преступном сообществе.

Практическая сложность состоит также в разграничении организатора, руководителя структурного подразделения и рядового участника. А. В. Котязов и Е. В. Кочеткова указывают на трудности установления организатора преступного сообщества и отграничения его роли от ролей иных соучастников [5, с. 164]. В реальных делах руководитель может не отдавать прямых распоряжений каждому исполнителю, а действовать через посредников, систему вознаграждений, правила конспирации и распределение сфер влияния. Поэтому квалификация роли должна основываться на фактическом управленческом влиянии, а не только на формальном положении лица.

Общая проблема квалификации преступлений, совершаемых преступным сообществом, заключается в необходимости удержать баланс между эффективным противодействием организованной преступности и недопущением чрезмерного расширения ст. 210 УК РФ. П. С. Солоницын подводит итог: «Для правильной квалификации действий лица по ч. 2 ст. 210 УК РФ необходимо установить сам факт существования ПС, определить характер устойчивых связей между его членами, а также между входящими в его состав ОПТ либо структурными подразделениями. Установив факт совершения преступления лицом, которое связано с ПС, следует установить характер связей этого лица с организацией» [7, с. 43]. Эта позиция является наиболее приемлемой для правоприменения.

Таким образом, актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых преступным сообществом, сосредоточены вокруг нескольких взаимосвязанных вопросов: установления структурированности, разграничения преступного сообщества и организованной группы, доказывания участия, определения субъективной стороны, оценки обеспечивающих и управленческих функций, а также применения ст. 210 УК РФ к экономическим преступлениям. Наиболее обоснованным представляется подход, при котором преступное сообщество понимается как реально функционирующая преступная организация с внутренней специализацией, устойчивыми связями и общей целью, а участие в ней доказывается через регулярный, осознанный и функционально значимый вклад лица в деятельность этой организации.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: с изм. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».
2. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12: ред. от 21.05.2026 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Ильичев Д. А., Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Преступное сообщество (преступная организация): теория и практика применения статьи 210 Уголовного кодекса РФ // Социология и право. 2020. № 2. С. 69–77.

4. Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности преступного сообщества (преступной организации) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 87–92.

5. Котязов А. В., Кочеткова Е. В. Некоторые аспекты совершенствования перечня признаков объективной стороны статьи 210 УК РФ (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)) // Закон и право. 2024. № 7. С. 162–169.

6. Прокофьева Т. В. Квалификация преступлений, совершенных в составе преступного сообщества (преступной организации): проблемы и пути совершенствования // Научный портал МВД России. 2015. № 24 (735). С. 96–105.

7. Солоницын П. С. Участие в преступном сообществе (преступной организации): вопросы квалификации // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 5 (61). С. 39–44.